

НАУКА В ЛИЦАХ

АГНЕС ДУККОН¹

*Будапешт, Университет им. Лоранда Этвеша
Институт Славянской и Балтийской Филологии*

ИСТОРИЯ РУССКОГО ВОСПИТАНИЯ – В ВЕНГЕРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ²

Автор статьи знакомит читателя с монографией венгерского филолога и историка педагогики – Миклоша Сабо (1912-2011) «История русского воспитания (988-1917)» [*Az orosz nevelés története (988-1917)*], вышедшей на венгерском языке в Будапеште в 2003 году. Книга должна была появиться на шестьдесят лет раньше, в начале 1950-х годов, но из-за идеологических и политических перипетий издание сорвалось: автор отказался от марксистской интерпретации своего предмета, не согласившись написать историю русской педагогики в определенном идеологическом освещении, как от него требовали. Марксистская точка зрения была обязательна почти до 1990-х годов, и автор из-за своего независимого и критического мышления не принадлежал к числу официально поощренных ученых. Лишь в конце 1990-х гг. появилась возможность издать книгу престарелого, но все еще духовно активного автора. Огромный труд (518 страниц), состоящий из 24 глав, обнимает приблизительно тысячелетний период русской культуры от эпохи Владимира Святого до педагогической деятельности Н.К. Крупской и большевистских

¹ Агнеш Дуккон (венг. Dukkon Agnes) – доктор филологических наук (по русской литературе), доктор Венгерской Академии Наук (по венгерской литературе ренессанса и барокко); член Комитета Культурологии при ВАН; председатель Компаративистского Комитета Общества Современной Филологии. Место работы: Институт Славянской и Балтийской Филологии, Кафедра Русского Языка и Литературы университета им. Лоранда Этвеша (ELTE) (г. Будапешт).

² Szabó Miklós: *Az orosz nevelés története (988-1917)*. Akadémiai Kiadó Budapest – Pro Print Kiadó, Csíkszereda, Romania, 2003. [Миклош Сабо: История русского воспитания (988-1917). Издательство Венгерской Академии Наук, Будапешт – Издательство Про-Принт (Чиксерда, Румыния), 2003.]

начинаний в области воспитания. Особенность книги в ее надвременности: отказ автора от идеологии и верность собственным моральным принципам открыли ему свободу в исследовании, ведя в область вечных истин. Хотя весь этот материал пока замкнут в рамках венгерского языка – но и в этом случае можем утешать себя крылатым выражением: *habent sua fata libelli*¹.

Ключевые слова: духовное развитие, история педагогики, культура, Миклош Сабо, образование.

ÁGNES DUKKON

*(Budapest, Eötvös Loránd University
Institute for Slavic and Baltic Philology)*

RUSSIAN HISTORY OF EDUCATION – A HUNGARIAN READING

The article writer introduces to the reader a monograph of a Hungarian philologist and historian of pedagogy, Miklos Szabo (1912-2011) “The history of Russian education (988-1917)” [*Az orosz nevelés története (988-1917)*] published in Hungarian in Budapest in 2003. The book was to appear sixty years before, in the early 1950s, but because of the ideological and political vicissitudes, the publication failed: the author abandoned his Marxist interpretation of the book subject, not agreeing to write the history of Russian pedagogy in a certain ideological light, as was required of him. The Marxist point of view was obligatory almost to the 1990s, and the book author, Miklos Szabo, due to his independent and critical thinking did not belong to officially encouraged scholars. Only in late 1990s did the writer obtain an opportunity to publish his book, though by the time he was advanced in years, but still spiritually active. A huge volume of 518 pages, containing 24 chapters, embraces nearly a thousand-year period of Russian culture dating to the era of Saint Vladimir to Nadezhda Krupskaya’s pedagogical activity and Bolshevik initiatives in the field of education. The book is special – it’s timeless: the author’s refusal from ideology and loyalty to his own moral principles opened to him freedom in his studies, taking him to eternal truths. Although all this data is

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.).

still enclosed in the Hungarian language, but even in this case we can console ourselves with a Latin saying: habent sua fata libelli.

Keywords: spiritual development, history of pedagogy, culture, Miklos Szabo, education

Предметом настоящей статьи является разбор книги венгерского автора Миклоша Сабо (1912-2011)¹ об истории русской педагогики.

¹ Миклош Сабо получил диплом по венгерской и немецкой филологии и затем по французскому языку в Будапештском Университете в середине 1930-х гг. В 1936 он защитил докторскую диссертацию по венгерской литературе. Несколько лет преподавал немецкий и венгерский языки и литературу в средней школе. Свою первую «разговорную практику» он приобрел на русских фронтах Второй Мировой Войны. После войны, начав заниматься историей русского воспитания, будучи государственным стипендиантом, по инициативе профессора педагогики Лайоша Прохаски стажировался в Советском Союзе (1946-1948 гг.). Продолжил обучение в аспирантуре сначала в Москве, потом в Ленинграде, собирая материал в библиотеках для завершения начатой монографии.

В Ленинграде он работал над своей темой под руководством профессора Ш.И. Ганелина в Педагогическом институте им. Герцена (Первые две главы диссертации написаны на русском языке). В 1948 г. Сабо вернулся в Венгрию, чтобы опубликовать уже готовую книгу на венгерском языке. Но рукопись оставалась неизданной больше полувека, потому что автор отказался от марксистской интерпретации своего предмета, не согласившись написать историю русской педагогики в определенном идеологическом освещении, как от него требовали.¹

С 1950-х гг. Миклош Сабо преподавал русский язык в различных институтах. В 1957 г. его лишили возможности преподавать – из-за сочувствия революции 1956. Далее до своего ухода на пенсию он работал как лексикограф в редколлегиях различных издательств, готовя к публикации словари и лексиконы (в том числе в Издательстве Венгерской Академии Наук), написал замечательные учебники русского языка (и автор настоящей статьи в средней школе училась по его учебнику), опубликовал статьи и хрестоматии по теории и истории педагогики. Среди них стоит упомянуть книгу о Л.Н. Толстом как педагоге (1987) и монографию о К. Ушинском (1999), которые получили высокую оценку специалистов и стали важными пособиями для курсов по педагогике в Венгрии.

Мы считаем нашим долгом познакомить русскую публику – в первую очередь специалистов по воспитанию и образованию – с этим огромным и ценным трудом.

Автор книги рассматривает длинный путь русской культуры – в контексте европейского образования. В книге создается целостная картина русского педагогического мышления, формирования школьной системы в интерпретации глубокого и оригинально мыслящего специалиста, оценивающего русскую педагогику с точки зрения другой (венгерской) культуры. Анализ воспитательных процессов на широком культурно-историческом фоне. Автор, помимо узко специальных исследований (труды русских специалистов дореволюционного времени – М. Сухомлинского, В. Иконникова, С. Рождественского, М. Демкова, Н. Сербова, П. Каптерева, и советского периода – Е. Медынского, Ш. Ганелина, Э. Днепра), включает в свой анализ литературные, исторические, богословские и художественные материалы: воспитание и образование для него существует во взаимосвязи упомянутых отраслей культуры. Сам анализ базируется на методологии сравнительной педагогики и филологии.

Настоящая книга (ее истоки которой следует искать в начале 1940-х гг.) в буквальном смысле развивалась и созревала в течение полувека: автор считал отложить ее публикацию до лучших времен, чем лгать и искажать истину ради идеологии. И только в самом конце 1990-х гг. появилась возможность опубликовать рукопись. В 2003, когда автору исполнился 91 год, появилась «История русского воспитания» в совместном издании Венгерской Академии Наук и Издательства Про-Принт (Чиксеред, Румыния). После этого он до последних дней долгой жизни (январь 2011 г.) работал над продолжением книги (собирался охватить и советский период). Зная его лично, мы можем сказать, что Настоящая ценность его труда – личностная, духовная цельность помогала ему остаться верным своим убеждениям даже ценой отказа от научной карьеры, если она не была согласна с научной совестью.

Книга Миклоша Сабо написана на венгерском языке, для венгерского читателя. Она пока доступна сравнительно узкому кругу специалистов, но ее уникальное содержание достойно внимания международной общественности. А для русских исследователей был бы интересен «венгерский взгляд» на русскую культуру и на историю

отечественного воспитания. Во введении к монографии венгерский историк, Ласло В. Молнар справедливо подчеркивает: такая серьезная разработка универсально интересного вопроса появилась на мало доступном в мире науки языке, перевод которой хотя бы на английский, французский, немецкий языки мог представлять научный интерес.

Отвечая на вопрос «Почему интересно русское воспитание для венгерской публики?» Миклош Сабо в предисловии к книге обозначает три аспекта. Во-первых, информационный, просветительский, ведь мы очень мало знаем об этом предмете. Во-вторых, историко-культурный: важно узнать, как страна византийской культуры на протяжении столетий взаимодействовала с Западом в решении важных проблем обучения и воспитания. В-третьих, научно-педагогический: как, несмотря на тяжелые исторические обстоятельства, на религиозную изоляцию от Европы, было создано универсальное гуманистическое педагогическое поведение на основе православия. Мы можем добавить, хотя книга написана чистым и точным научным языком, но она не скучна: широкая образованность и глубокое мышление автора позволяет осветить голые факты в общекультурных взаимоотношениях.

Книга, состоящая из 24 глав, обнимает приблизительно тысячелетний период русской культуры от эпохи Владимира Святого до педагогической деятельности Н.К. Крупской и большевистских начинаний в области воспитания. В основе отдельных глав – принцип концентрических кругов: сначала дается широкая культурно-историческая основа данного периода, вырисовываются политические связи, философские течения и общие положения искусства, потом, во внутренних кругах, – конкретные описания и данные о положении образования и школьного дела. В конце каждой главы автор указывает на те моменты в истории воспитания, которые встроились в теорию или практику следующего периода (значит, скрывали в себе продуктивные элементы для дальнейшего развития). Таким образом, формирование русского воспитания рассматривается в двойной перспективе: с высоты птичьего полета, симультанно с европейскими явлениями, а потом «с земли», в сложном противоборстве сил, которые определяли победы и неудачи.

Первая глава обосновывает с культурно-исторической точки зрения тему следующих (II-III-IV), т.н. «древнерусских глав»:

рассматривается роль Византии в раннем периоде русской истории, такие факты, как принятие христианства, появление монашества, возникновение церковной и светской литературы, отход от Запада. Во второй и третьей главах прослеживаются культурные явления средневековья: в древней Руси формируется церковное и светское образование, расцвет которого случился при Ярославе Мудром (английские, датские, шведские, норвежские и венгерские князи, в том числе Эндре и Левентэ, приезжали сюда получить высшее образование). Постепенное распространение письменности идет параллельно с построением церквей (именно церковь выдвигает требования обучения). Автор книги указывает на христианские основы первых идеалов русского воспитания, ибо языческие верования не содержали воспитательных целей. Новая религия принесла коренные изменения в отношении человека к высшим силам: откровение и спасение для каждого отдельного человека открыли новые перспективы внутренней жизни. Обращение к душе человека оказалось совершенно новым моментом: христианство на русской земле с самого начала говорило о целостности жизни, обращалось к сердцу, а не к уму. Поэтому и отсутствие письменности не было препятствием в христианизации: фрески и мозаики церквей и устное распространение «доброй вести» («Евангелия») в духовных стихах, служили воспитанию человека – для земной и вечной жизни. Миклош Сабо в этом усматривает коренную разницу между созерцательным Востоком и рациональным, деятельным Западом. Конечно, такое размежевание западной и восточной ментальности понимается обобщенно, суммарно, указывается лишь на главные тенденции духовного развития, но при этом нет схематизации, механичности. Во «внутреннем круге» второй главы автор говорит о педагогическом содержании ранних переводов византийских сборников (Изборник Святослава, 1073, Пчела, Златая цепь, Златоструй), о «Поучении» Владимира Мономаха (1117) и о проблемах обучения XII-XIII веков.

В третьей главе содержится обзор периода татарского нашествия (упадок культуры и ее медленное возрождение в XIV-XV вв.). Новые возможности образования при лаврах и монастырях, а также связь с афонскими и константинопольскими монахами способствовали развитию духовной жизни (рассматриваются такие моменты, как роль Новгорода и Пскова, составление летописей,

усиление влияния иностранных литератур, познание византийской светской литературы и науки западного средневековья и т.д.). Но автор отмечает и «темную» сторону образования этого периода: полная оставленность широких масс народа высшими церковными и светскими властями, низкий культурный уровень провинциального духовенства, отсутствие мотивации к обучению. Эта проблема – *mutatis mutandis* – повторяется и в следующих столетиях: периоды интенсивного развития культуры чередуются с такими, где господствует обскурантизм (см. последекабристский период), провозглашается ненужность образования низших слоев общества и для крепостных.

В последующих главах (IV–X) продолжается разбор педагогических идей в контексте истории: автор анализирует самые важные события и идеи в области культуры и образования (напр., в XVI в. – стремление к обновлению церкви, обострение оппозиции византийского и западного духа, *Домострой* как педагогическая энциклопедия века; новые веяния в Киеве, Киево-Могиланская Академия, польское влияние, появление иезуитов; XVII в. и начало новой эпохи, церковь и государство, роль Е. Славинецкого и Симеона Полоцкого в организации школ, Славяно-греко-латинская Академия в Москве, появление педагогической литературы). XVIII век получает в книге четыре главы: в VII и VIII главах представлена эпоха Петра Первого (общественные реформы, организация школ и научной жизни, дворянское воспитание, основание университета и Академии Наук, школы для народа, церковь и ее школы, деятельность Феофана Прокоповича и В.Н. Татищева). IX глава посвящается М.В. Ломоносову и его значению в русской педагогике. Автор оценивает важные этапы европеизации в русской культуре, говорит о роли латинского языка в этом процессе, о значении Московского Университета в духовном обновлении. В X главе развернута картина эпохи Екатерины II, когда просвещение в Российской Империи провоцировало значительные изменения в институтах образования (появились различные планы воспитания, возрос интерес к методике, практическому воспитанию и подготовке преподавателей для гимназий). Анализ деятельности Новикова, Сковороды и Радищева завершает главы.

Подробное изложение всех глав книги Сабо невозможно в рамках одной статьи, мы постараемся выбирать из богатого материала

самые важные темы и указать на ключевые узлы проблем в истории русского воспитания.

Этапам развития культуры и образования в XIX веке посвящаются 14 глав книги. Такая пропорция материала является вполне обоснованной, так как именно в этом столетии совершается огромный подъем Российской Империи, она становится серьезным политическим соперником европейской власти. Но жестокость, амбивалентность политических, общественных и культурных процессов провоцировали острую критику интеллигенции, что отражалось и в педагогике. Миклош Сабо и в этих главах остается верным своему методу излагать тему по концентрическим кругам: он анализирует конкретные явления, исходя из общих тенденций времени. Так, разворачиваются перед читателем первые десятилетия века, планы организовать общее образование (положительные стремления Александра I, деятельность Сперанского, «безвременье» после декабристского восстания). Период между 1825-1855 (XII глава) вырисовывается как пестрая картина: автор подробно пишет об *Уставе гимназий и училищ, состоящих в ведении университетов* (1828), о диктатуре в воспитании (обскурантизм), о реорганизации университета, но и о постепенной демократизации среднего образования (организация училищ и всяких практических учебных заведений). Но и для этого периода характерна двойственность: положительные (как, напр., обновление монашества, влияние Паисия Величковского на духовную жизнь XIX в., появление *Добротолубия*) и отрицательные моменты (насильственная русификация в империи, преследование иноверцев – католиков, униатов, староверцев, государственный контроль над церковными делами, в том числе и над образованием, и т.д.). Далее автор рисует пять портретов лучших представителей интеллектуальной жизни, педагогические идеи актуальны до сих пор не только для профессии, но и для всей культуры (В.Ф. Одоевский, П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев). В их педагогических идеалах, теориях и практических деяниях Сабо открывает новизну. Интересно читать о дидактических трудах Одоевского (*Таблица складов*, 1839, *Наука до науки*), вспоминая его замечательные фантастические рассказы (*Русские ночи*, *Импровизатор*, *Сильфида*, и т.д.). Много важных проблем затрагивает глава, в которой освещены педагогические интересы Белинского в

контексте профессиональных и историко-культурных фактов. Миклош Сабо подчеркивает, как тесно связаны у Белинского утонченное и страстное понимание личности¹ с вопросами воспитания: педагогические мысли пронизывают его критические статьи, письма и рецензии о детских книгах (60) и рецензии на учебники (70). Подтверждением того, что воспитание женщин интересовало Белинского, являются и упоминания Жорж Санд и ее влияние на женские умы. В переписке с будущей женой по поводу лермонтовского *Демона* критик говорит об отношениях мужчины и женщины, о важности интеллектуальной развитии женщин и т.д. Но и критический разбор *Онегина* (8 и 9 статьи) содержит немало отступлений по поводу воспитания, когда Белинский говорит о статусе русской женщины как невесты.²

Взгляды Герцена и Огарева на воспитание связаны с их общественно-моральными убеждениями. Миклош Сабо «собирает» герценовские педагогические мысли из художественных произведений и публицистических работ («*Кто виноват?*», «*Опыт бесед с молодыми людьми*», «*Разговоры с детьми*») и из писем к собственным детям. Герцен смотрит критически на проблемы воспитания своего времени, и, исходя из отрицательных примеров, развивает свои теории, основанные на представлениях о школе будущего.

XIII глава посвящается «педагогической весне» (т.е. десятилетию с 1855 по 1866), когда осуществились общественные

¹ Об истолковании Белинским человеческой личности см. Агнеш Дуккон: На перекрестке жанров: атрибуты исповеди и дневника в эпистолярности Белинского. In: *Memiarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe. Studia Rosica XX. T. I. / Red. naukowa Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. Warszawa, 2010. 25-33.*

² «В Европе женщина действительно царица общества: весел и горд мужчина, с которым она больше говорит, чем с другими. У нас наоборот: у нас женщина ждет, как милости, чтоб мужчина заговорил с нею; [...] ...у нас не понимают и не хотят понимать, что такое женщина, не чувствуют в ней никакой потребности, не желают и не ищут ее, оттого, что у нас нет женщины. [...] Русская девушка – не женщина в европейском смысле этого слова, не человек: она не что другое, как *невеста*.» [В.Г. Белинский: Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая «Евгений Онегин». В кн.: Собрание сочинений в трех томах. Т. III, Москва, 1948. С. 537-538].

реформы (освобождение крестьян в 1861) и развертывалась деятельность таких личностей (ученых, публицистов, писателей), как Н.И. Пирогов, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев. Портрет Пирогова содержит ценные сведения о борьбе за обновление воспитания. Миклош Сабо подробно разбирает две важные статьи Пирогова (*Вопросы жизни*, 1856, *Быть и казаться*, 1858), появление которых вызвало огромный интерес и дало толчок для творческой инициативы в области обучения и воспитания (напр., организация воскресных школ, филантропические педагогические начинания, школы на добровольных началах и т.д.). Помимо практического, автор книги подчеркивает теоретическое значение пироговских статей: все то, что Пирогов пишет о моральном воспитании, о развитии «внутреннего человека» при помощи более свободной и гуманной концепции образования и воспитания, является до сих пор актуальным.

Важно упоминать в этой главе еще и о вопросе воспитания женщин: «педагогическая весна» и в этой области принесла «оттепель». Именно под влиянием Пирогова начиналась организация средних школ для девушек («Мариинское училище» под руководством Н.А. Вишнеградского в Петербурге в 1858 г., реорганизация Смольного Института в 1859 г. под руководством Ушинского).

Педагогические теории революционных демократов – Чернышевского, Добролюбова и Писарева – продолжают линию Белинского и Герцена: в публицистике и художественной литературе (в романе «*Что делать?*» Чернышевского) поставлены злободневные вопросы воспитания, отрицательные явления предстают в остро сатирическом изображении, обрисованы идеалы будущего в утопических сценах швейных мастерских и сновидений Веры Павловны. Без таких идеалов и мечтаний на реальной почве невозможно совершить подвиги, осуществить нужные реформы. Как показывает деятельность Пирогова, нужно иметь сначала такой высокий идеал о человечности, во имя которого препятствия «гнусной расейской действительности» (слова Белинского) и инерция масс могут быть побеждены. Однако эта роль почти всегда неблагодарная, как доказывают множество примеров из истории человечества

XV и XVI главы книги мы можем назвать «монографическими»: в них рисуются портреты К.Д. Ушинского и

Л.Н. Толстого – двух определяющих личностей в истории русского воспитания. Миклош Сабо и в этих главах уделяет большое внимание теоретической и моральной основе педагогической практики обоих деятелей (напр., он подчеркивает значение психологических исканий Ушинского – еще до рождения науки детской психологии)¹.

Глава о Толстом интересна тем, что мы имеем возможность увидеть великого писателя со стороны педагогики: как создавались его идеи о цели и смысле воспитания, как он вел полемику с Чернышевским по поводу разграничения воспитания и образования (статья *Воспитание и образование*, 1862), как оттеняли его философские убеждения взгляды на воспитание и т.д. Подробно анализируются его полемические статьи (*О народном образовании*, 1874), книги *Азбука*, дидактическая глава к этой книге *Общие замечания для учителя* и *Новая Азбука*.²

Говоря об отношении педагогики и литературы, было бы интересно включить сюда маленькую главу о Достоевском³.

В следующих главах монографии говорится о педагогических реформах и о противодействии им со стороны власти, о положении различных типов школ, о результатах в области высшего образования. Автор знакомит читателя со знаменитыми педагогами последних десятилетий XIX в. (напр., Н.А. Корф, Н.Ф. Бунаков, С.А. Рачинский, Д.И. Тихомиров). В профиле эпохи вырисовываются общественный кризис, рабочее движение и деятельность В.И. Ленина, школьная программа марксистов, революция в 1905 и участие студентов и преподавателей в революционных событиях.

¹ На основе английского эмпиризма и позитивизма он мог превзойти психологическую систему Гербарта.

² Хочется добавить еще, что и в художественных произведениях Толстого содержится много верных педагогических наблюдений, в его художественном мире поставлены такие открытые вопросы эпохи, как женская эмансипация, своеобразие детской психики, роль семьи в воспитании (достаточно упоминать хоть *Семейное счастье* или *Анну Каренину*).

³ Достоевского волновали актуальные проблемы воспитания своего времени: они акцентированы, напр., в *Подростке*, в *Братьях Карамазовых* и в *Дневнике писателя*. Конечно, для Миклоша Сабо такие отступления чрезмерно осложнили бы задачу, и объем труда увеличился бы значительно, наше замечание относится скорее к дальнейшим перспективам темы.

В последних главах (XXII-XXIV) анализируется положение национальных меньшинств и различных церквей или конфессий (православие, католики, евреи) с точки зрения образования; идет речь о новых веяниях в педагогике (опыты западного воспитания, напр. «школа жизни» J. Dewey, «школа работы» G. Kerschensteiner), об экспериментальных методах и о раннем представителе педагогической психологии – И.А. Сикорском. Тысячелетняя история русского воспитания в монографии Миклоша Сабо «останавливается» у порога советского периода: он дает беспристрастную оценку педагогической деятельности Н.К. Крупской, говоря о влиянии на нее английских, немецких, французских и швейцарских «новых школ», рассматривает большевистскую концепцию школы будущего.

На этой исторической цезуре заканчивается книга венгерского ученого, языковеда и педагога. Но после него осталось довольно большое количество записок о советском периоде воспитания. Трудно предсказать, найдется ли достойный продолжатель этой работы у нас.

Монография Миклоша Сабо является важным научным фактом, в Издательстве Венгерской Академии Наук шла речь уже об английском переводе, что открыло бы доступ к книге специалистов вне венгерского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. III. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. – 928 с.

Дуккон, Агнеш. На перекрестке жанров: атрибуты исповеди и дневника в эпистолярности Белинского. In: *Memuartyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. Studia Rosica XX. T. I. / Red. naukowa Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. – Warszawa, 2010. – S. 25-33.

Дуккон, Агнеш. Диалог текстов: «голос» В.Г. Белинского в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского// Культура и текст: электронный журнал. – №1(14). – 2013. – С. 4-28.

Szabó Miklós: Az orosz nevelés története (988-1917). Akadémiai Kiadó Budapest – Pro Print Kiadó, Csíkszereda, Romania, 2003. [Миклош Сабо: История русского воспитания (988-1917). Издательство

Венгерской Академии Наук, Будапешт – Издательство Про-Принт
(Чиксерда, Румыния), 2003.]